

ПОРТРЕТ И ПРОСТРАНСТВО КАК СРЕДСТВА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ В РАССКАЗАХ НОДИРЫ ИБРОХИМОВОЙ И КЭТРИН МЭНСФИЛД

Гулноза Эгамбердиева

исследователь Наманганского государственного университета

gulnozae24@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0004-9804-9204>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.22643512>

Qabul qilindi: 1-sentabr 2026-yil • Ma'qullandi: 6-sentabr 2026-yil • Nashr qilindi: 7-sentabr 2026-yil

Аннотация:

В статье сопоставительно исследуются портрет и художественное пространство как средства психологической характеристики женского персонажа в рассказах Нодир Иброхимовой и Кэтрин Мэнсфилд. Основное внимание уделяется тому, как внешность, одежда, предметная среда и пространственное положение приобретают психологическое значение через восприятие героини. Анализ показывает, что при различии авторских стратегий обе писательницы превращают внешнее описание в косвенный способ раскрытия внутреннего состояния.

Ключевые слова:

психологизм, женский персонаж, портрет, художественное пространство, предметная деталь, самовосприятие, социальная принадлежность, внутреннее состояние, Нодира Иброхимова, Кэтрин Мэнсфилд.

Введение.

В коротком рассказе внешняя деталь редко остаётся нейтральной, если она включена в систему восприятия персонажа. Ограниченный объём жанра заставляет автора концентрировать смысл: одежда, положение фигуры в комнате, маршрут героини, привычный предмет или граница между двумя пространствами могут одновременно сообщать сведения о внешней ситуации и обозначать внутреннее состояние. Поэтому портрет и пространство целесообразно рассматривать не только как элементы описания, но и как формы косвенной психологической характеристики.

Такой подход особенно продуктивен при анализе женского персонажа, поскольку внутреннее напряжение не всегда выражается прямым монологом или авторским объяснением. Оно может проявляться в том, как героиня воспринимает собственный внешний облик, какое значение придаёт вещи, где ощущает себя «своей» или «чужой», как переживает переход из одного социального пространства в другое. В терминах нарратологии решающим становится не сам объект, а его включённость в точку зрения персонажа: значение внешней детали меняется вместе с изменением восприятия (Rimmon-Kenan, 2002).

Цель настоящей статьи — определить, при каких условиях портретная и пространственная деталь перестаёт быть фоном и становится средством психологической характеристики. Сопоставление строится вокруг двух взаимосвязанных параметров: самовосприятия героини и её чувства принадлежности к окружающему миру. Такой ракурс позволяет избежать механического перечисления портретов и пейзажей и сосредоточиться на их функции внутри психологической структуры рассказа.

Портретная деталь как форма самовосприятия

Портрет в психологической прозе значим не только тем, что сообщает читателю, как выглядит персонаж. Намного важнее, какое место внешняя деталь занимает в сознании самой героини. Если одежда или предмет, связанный с внешностью, участвует в её самооценке, такая деталь начинает характеризовать внутреннее состояние не менее активно, чем прямое описание мыслей.

В «Miss Brill» меховая накидка включена именно в такую систему самовосприятия. В начале рассказа она сопровождает выход героини в парк и поддерживает созданное ею ощущение собственной включённости в воскресную жизнь окружающих. Вещь не просто дополняет портрет: она участвует в том образе себя, который Мисс Брилл внутренне поддерживает. После реплик молодой пары предмет физически остаётся тем же, однако меняется эмоциональная перспектива, в которой он воспринимается. Тем самым изменение отношения к детали становится показателем изменения отношения к себе.

Здесь особенно важна динамика. Психологическая характеристика возникает не из заранее закреплённой символики вещи, а из разницы между её первым и последующим значением. Читатель фиксирует внутренний сдвиг через переоценку внешней детали. Подобная концентрация психологического смысла характерна для модернистского короткого рассказа, где предмет и жест часто несут нагрузку, сопоставимую с развёрнутым внутренним комментарием (Head, 1992).

Такой способ анализа позволяет точнее говорить о портрете как о процессе, а не как о статичном описании. Внешний облик оказывается психологически значимым тогда, когда между ним и сознанием персонажа возникает напряжение: героиня либо подтверждает через внешний знак определённое представление о себе, либо вынуждена пересмотреть это представление.

Пространство и чувство социальной принадлежности

Если портретная деталь соотносит героиню с собственным образом, пространство соотносит её с другими людьми. Дом, сад, улица, парк или комната получают психологическую функцию в тот момент, когда становятся мерой включённости, защищённости, ограничения или отчуждения. Поэтому одно и то же место может сохранять физические характеристики и одновременно менять эмоциональный смысл.

В «Miss Brill» парк сначала существует для героини как пространство воображаемой принадлежности. Наблюдая за окружающими, она не просто смотрит на людей, а организует их в единое представление, внутри которого отводит место и себе. Пространство становится продолжением её интерпретации социальной реальности. Когда эта интерпретация нарушается, парк не меняется внешне, однако перестаёт выполнять прежнюю психологическую функцию: чувство участия уступает ощущению исключённости.

В «The Garden Party» пространственная структура строится иначе. Сад и дом семьи Шеридан образуют защищённую зону праздника, тогда как дом умершего рабочего расположен в социально ином мире. Переход Лауры из одного пространства в другое одновременно является перемещением в системе ценностей. Важно, что социальное различие не сообщается только в форме авторского тезиса: оно становится переживаемым через маршрут героини. Пространственная граница благодаря этому превращается в психологическую.

Подобная организация особенно показательна для рассказа как жанра. Несколько пространственных точек способны заменить подробное объяснение социального опыта

персонажа. То, откуда героиня выходит, куда входит и как воспринимает новый участок пространства, даёт читателю материал для характеристики её внутренней позиции.

Предметно-пространственный мир у Нодир Иброхимовой

В рассказах Нодир Иброхимовой психологическое значение пространства чаще формируется через повседневную предметность и личную память. Здесь комната, одежда или книга важны не сами по себе, а потому, что соединяют настоящее состояние женщины с её предшествующим опытом. Внешняя среда постепенно насыщается индивидуальным значением и становится носителем эмоциональной биографии.

В «Chorshanba uchun ko'ylak» одежда оказывается связана не только с внешним обликом героини, но и с повторяющимся ожиданием определённого дня. Портретная деталь тем самым включается во временно-пространственную ситуацию: подготовка к среде формирует эмоциональный режим, в котором обычный предмет приобретает личную значимость. Для психологической характеристики важен не сам факт наличия платья, а то, какую внутреннюю работу выполняет ожидание, закреплённое за этой вещью.

В «Voz kechilgan kitoblar» предметная среда организована вокруг иной связи — между книгами и ранее отодвинутой частью личного опыта. Возвращение книг в поле внимания героини делает пространство повседневности зоной сопоставления настоящего с тем, что было утрачено или отложено. Предмет становится не символом с заранее заданным значением, а точкой, через которую героиня заново соотносит себя со своими интеллектуальными и личными потребностями.

Таким образом, у Иброхимовой внешняя среда нередко приобретает психологическую плотность за счёт накопления личных ассоциаций. Если у Мэнсфилд пространство часто резко меняет значение вслед за нарушением прежнего восприятия, то у Иброхимовой значение предмета или места чаще нарастает постепенно, связываясь с памятью, ожиданием и отношениями. Это различие важно не как жёсткая культурная оппозиция, а как наблюдаемая особенность выбранных рассказов.

Две модели психологической характеристики

Сопоставление позволяет выделить две условные модели превращения внешнего элемента в психологический знак. Первая основана на переоценке: деталь или пространство сначала подтверждает определённое представление героини о себе и мире, затем под воздействием события получает иное значение. Эта модель особенно заметна у Мэнсфилд, где внутренний сдвиг часто связан с расхождением между субъективной интерпретацией и социальным опытом.

Вторая модель основана на накоплении личного смысла. Предмет или пространство постепенно вбирает память, ожидание, эмоциональную привязанность и становится частью внутренней истории персонажа. Такой механизм ярко проявляется в рассмотренных рассказах Иброхимовой. При этом обе модели объединяет одно: внешняя деталь становится психологической только тогда, когда читатель видит её в отношении к сознанию героини.

Это наблюдение позволяет уточнить сам принцип психологической характеристики. Нельзя автоматически считать закрытую комнату знаком несвободы, сад — свободы, одежду — социального статуса, а книгу — духовности. Подобная символизация была бы слишком прямолинейной. Значение возникает из конкретной композиционной позиции детали, её повторяемости, изменения и связи с тем, как персонаж воспринимает ситуацию. Поэтому анализ портрета и пространства требует движения от текста к интерпретации, а не от готового символа к тексту.

Такой подход также помогает развести понятия внешнего описания и психологической характеристики. В первом случае читатель получает сведения о мире произведения; во втором — эти сведения становятся доказательством внутренней позиции персонажа. Граница между ними проходит не по типу детали, а по её функции в повествовании.

Заключение

Портрет и художественное пространство в рассказах Нодиры Иброхимовой и Кэтрин Мэнсфилд выполняют функцию психологической характеристики тогда, когда внешний элемент включается в восприятие героини и меняет значение вместе с её внутренней позицией. Одежда, предмет, парк, дом или граница между пространствами оказываются значимыми не благодаря фиксированной символике, а благодаря отношениям между внешним объектом, ситуацией и сознанием персонажа.

В рассмотренных рассказах Мэнсфилд особенно заметна модель переоценки: привычная деталь или пространство меняет психологический смысл после столкновения героини с иной социальной реальностью. В прозе Иброхимовой чаще проявляется накопительная модель, при которой предметно-пространственный мир постепенно насыщается памятью, ожиданием и личным опытом. Эти различия не отменяют общего принципа косвенности, позволяющего обеим писательницам передавать внутреннее состояние без развёрнутого авторского объяснения.

Следовательно, портретно-пространственный анализ наиболее продуктивен тогда, когда рассматривает не перечень внешних деталей, а их движение внутри сознания персонажа. Именно изменение значения внешнего мира делает его частью психологической поэтики и позволяет короткому рассказу соединять композиционную экономию с высокой плотностью внутреннего содержания.

Adabiyotlar, References, Литературы:

1. Head D. The Modernist Short Story: A Study in Theory and Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
2. Rimmon-Kenan S. Narrative Fiction: Contemporary Poetics. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2002.
3. Mansfield K. The Garden Party and Other Stories. New York: Alfred A. Knopf, 1923.
4. Mansfield K. Bliss, and Other Stories. New York: Alfred A. Knopf, 1922.
5. Park S. Y. Anxiety and Alienation of Women in Mansfield's "Bliss," and the Effect of Free Indirect Discourse // Feminist Studies in English Literature. 2019. Vol. 27, No. 2. P. 62–90.
6. Ibrohimova N. Chorshanba uchun ko'ylak // Sharq yulduzi. 2023. № 09. B. 135–138.
7. Ibrohimova N. Voz kechilgan kitoblar // Ziyouz.uz. 27.06.2024. Электронный ресурс, без пагинации.